

Юрий ПОЛУЭКТОВ

Оренбург

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Из книги «Степные трели Оренбуржья»

Оренбургский писатель-натуралист Юрий Леонидович Полуэктов по образованию к изящной словесности отношения не имеет. Он – технарь, инженер-оборонщик, долгое время проработавший на секретном военном заводе. Но всю свою жизнь, с раннего детства, Юрий Леонидович был «болен» книгами. Неудивительно, что с годами стал писать и сам. Начал, как часто бывает, со стихов, а потом его жанровая палитра приросла таким сколь редким, столь же нужным жанром – он стал писателем-натуралистом. Если точнее – с орнитологическим, птичьим, уклоном. Год экологии, что объявлен в России, для Полуэктова начался чередой публикаций в изданиях Оренбурга, в том числе в литературно-художественном альманахе «Гостинный Двор».

Для Юрия Леонидовича нет птичек невысокого полёта. О любой варакушке или коноплянке он говорит почти как о человеке – с любовью и восхищением. Сейчас Юрий Леонидович трудится над книгой «Степные трели Оренбуржья», которая есть итог многолетних наблюдений и трудов автора как натуралиста и как писателя. Дай бог, чтобы эта книга увидела свет.

Диана Кан, поэтесса

Из-за весенней распутицы в первых поездках в сад обычно приходилось пользоваться электричкой. Город в это время уже освободился от снега, но за пределами города всё иначе – овраги набухли влажной ледяной массой, в перелесках – дотлевали сугробы. Деревья вдоль железной дороги стояли плотной озябшей толпой, бетонные опоры контактной сети возвышались над ними как головы ба-

скетболистов над коренастыми пассажирами, застывшими в ожидании поезда. Давно уже не терпелось съездить за город – снять зимние укрытия с роз, вейгелы, гортензии, многолетников, чеснока, молодой, поздно пересаженной прошлой осенью клубники, распустить стянутые шпагатом кроны туй, поднять пригнутые на зиму веточки форзиции. На садовой улице местами, особенно между высокими заборами, ноги проваливались в сугробы выше колена. Пока доберёшься до сада, все грехи свои, реальные и придуманные, вспомнишь.

За калиткой меня обязательно встречают птицы. Вот и в этом году, едва я ступил на участок, из вороха обрезанных осенью веток выскочили и взлетели на иву две невеликие, размером с воробья, пичуги. Присмотревшись, на одной из них я различил яркое красное пятнышко. Коноплянки! Обычно они самые первые мои гости. Но гость, похоже, здесь сегодня скорее я, чем они, ведь коноплянки в наших краях зимуют, кочуя неподалёку, и в сад прилетают гораздо раньше меня, ещё по снегу, разбирают самые укромные, удобные для гнездования, места. Именно поэтому считают себя коноплянки полноправными владельцами местных угодий, а меня терпят как неизбежную неопасную напасть.

По влажной, не просохшей до конца дорожке я пробрался к расположенному в глубине сада домику. Перед домом компактно растут четыре туи – сплетённые ветвями и превратившиеся в очень густой и разновысокий куст. Впереди – две крупные, в человеческий рост, шаровидные, сзади – две четырёхметровые колонны. Из туй выскочил и уселся на трос, поддерживающий электрический кабель, протянутый к домику, ещё один красногрудый крылатый красавец, похоже, не очень довольный моим вторжением. И тут же начал меня всяко порицать. Коноплянки – птички долгожители, могут прожить до девяти лет, если ничего не случится. Похоже, меня встречал действительный старожил – не стеснялся, резал всю свою птичью правду в глаза. За годы проживания пернатых в саду я привык выслушивать подобные реприманды. Здесь даже выговоры исполняются артистично и звучат музыкально – грех

обижаться! Среди природных певцов вздорных крикунов нет, их искусство не позволяет опускаться до уровня кухонных перебранок.

Есть такая особенность у коноплянок: чем ярче и крупнее красные пятна на груди у самца, тем старше и авторитетнее их обладатель. Тот, у калитки, определённо молодой – новичок. Робок ещё. И грудь у него скромно розоватая, а вот узурпатор околотуйной территории может похвастаться просто пылающей грудью. В птичьем мире так: самые беспросветные заросли достаются исключительно по заслугам – старейшим... Конечно, я не стал препираться с грубияном: мне было важно, чтобы птицы не рассердились и не улетели.

На моём участке частенько квартируют сразу несколько семейных коноплянковых пар. Однажды удалось сфотографировать момент общения двух таких квартирантов. Молоденький самец слишком близко подкатился к туям – очень уж ему нравились густые вечнозелёные хвойники. Старший тут же подлетел к молодому, объяснив соплеменнику, что непрошенный гость не прав во всех жизненных случаях. И, как и полагается бывалому педагогу, проводя профилактическую воспитательную работу, выглядел спокойно, уверенно. Точно старший офицер на плацу.

Молодой вынужден был терпеть менторский тон бывшего товарища. Хотя ему явно было не по себе от этой отповеди. Когда птички ощущают дискомфорт, чувствуют опасность, у них на голове приподнимаются перья. По тому, как у младшего по званию взъерошился чубчик, было очевидно, что мысли его не самые жизнерадостные. Что тут скажешь? Иерархия! Кому в молодости какой-нибудь старший хрыч настроение не портил?

Самое популярное птичье место в саду – электрический провод, протянутый через весь участок от уличного столба к домику. Это и подиум, где коноплянки любят покрасоваться, и сценическая площадка, откуда певчие и чирикающие демонстрируют свои вокальные дивертисменты, и место любовных свиданий, и сторожевая вышка. Провод натянут невысоко, рядом с основной дорожкой, и фотографировать пернатых на нём очень удобно. Ещё одна арена,

где частенько фотообъектив отлавливал пернатых актёров и случайных залётных гастролёров – шпалера для разнообразных лиан. (Есть у меня такая прихоть – выращивать вьющиеся сорта жимолости, клематисы.) Верхняя перекладина шпалеры сделана из тонкой стальной трубки, и птицам она весьма по вкусу в качестве «лавочки».

Под кустами понемногу скукоживался снег, и летний сезон стартовал с приборки в доме. Я возился на веранде и подглядывал за коноплянками. Молодой самчик уже оправился от обиды, нанесённой старшим, устроился на проводе и завёл лирическую песню. Песня коноплянки, нежная и чистая, входит в топ-список у любителей птичьих трелей. Вторым голосом вступил обосновавшийся у входа в сад, слышались ещё голоса. Коноплянки любят петь хором, а я люблю хоровое пение.

Самочка сновала по земле, по голым ещё кустарникам и периодически с травинками в клюве ныряла в заросли туй. Строительство гнезда у коноплянок – проблемы дамы, гнездо она складывает очень аккуратное и уютное. За время нашего совместного с птицами проживания на даче сожительства я обнаружил уже больше десятка отслуживших коноплянковых «хаток». Работа самца коноплянки во время строительства, что говорится непыльная, но ответственная: распевать любовные ариозо и оповещать конкурентов о том, что здесь именно он хозяин территории, занятый строительством семейного очага и посторонних просит не соваться. Новосёл моего сада заливался, импровизируя от души, даже хохолок на голове изредка топорщился. Пение периодически разбирало самку: она подскакивала на провод, крутилась возбуждённо около кавалера... А он – весь такой отстранённый певун, и только в песне его жизнь. Подружка не отступала, настаивала напористо и... парочка стремительно слетала в кусты. Где и терялась. А ведь действительно, не только у людей прекрасный слабый пол любит ушами! Через несколько минут пение и строительство возобновлялись с прежним усердием.

Счастливая и весёлая жизнь коноплянок продлится недолго. Через пару-тройку недель прилетит самец варакушка. Он тоже любит мой сад и уступать обжитое уютное

пространство не захочет. Варакушка – это просто стихийное бедствие для других пернатых. Чтобы прогнать коноплянку, варакушка будет третировать несчастную птичку, воспроизводя самые тревожные, самые отчаянные крики, какие только возможны. Варакушке это легко: она мастерски подражает голосам самых разных птиц, великий полиглот пернатого царства. Бедные коноплянки в такие минуты едва с ума не сходят от страха и отчаяния.

А куда деваться? Самка-то уже на гнезде. Самец уходит на дальние растущие по меже сирень и калину, сидит понурый, поёт невесёлые песни. На проводе появляется редко и в сторонке от домика. Короче, живут коноплянки в постоянном стрессе – боятся, но терпят. И лишь когда у варакушки всё устаканится и подружка снесёт яйца, буян-самец побреет. Птенцов у варакушек высиживает только самка. Самец, как настоящий мужик, охраняет дорогую подругу, а потом кормит вылупившихся отпрысков. Иногда согревает голеньких, только что вылупившихся птенчиков, когда самка слетает за кормом. Словом, не до террора коноплянок становится самцу варакушки, потому как своих родительских хлопот полон рот.

Только, ради бога, не демонизируйте варакушек: никакие это не монстры. Никого не бьют и особо не обижают. Просто в борьбе за территорию прибегают к вокальному террору. Если бы гомо сапиенс для достижения собственных целей использовал только парламентские дебаты, на земле по крайней мере не было бы войн. Варакушки на самом деле очень милые птички, но разговор о них я поведу в других рассказах.

После того как варакушка утомится, коноплянка оживает, смелеет, снова выскакивает на провод с нежными песнопениями. Горести позабыты, начинается вторая серия любовной истории – зачатие нового в это лето выводка. Вот так и здравствуем мы, я с птицами, словно в большой коммунальной квартире, где всё на виду, вперемишку – с любовью и склоками. В общем, всё как у людей!

Фестивали

Минувшим летом в рамках Всероссийского Пушкинского праздника поэзии в Большом Болдине прошел V межрегиональный слет молодых литераторов. Экспертная комиссия, рассмотрев более пятисот авторских заявок из 24 регионов России, отобрала сто человек, которые и прибыли на нижегородскую землю.

Сегодня мы знакомим читателя с работами некоторых авторов в номинациях «Проза» и «Поэзия».

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ

Нижний Новгород

ОКНО В ПАЛАТУ

Свет от электрического фонаря, проникавший через окно палаты травматологического отделения тридцатой больницы, делился старой деревянной рамой на четыре части, отчего на вспухшем линолеуме вычерчивался крест. Создавалось впечатление, что больничные койки расставлены в приходе католического храма.

Уже за полночь ввели на каталке нового пациента. Разглядеть его было трудно, так как свет медсестры предусмотрительно не включали, чтобы не разбудить остальных. Можно было увидеть только, что голова мужчины перемотана медицинским бинтом. Однако пять старожилы палаты тут же проснулись, так как вновь прибывший издавал